

с внешностью. Вот самый маленький — Шкетяра.

Когда я их выбирал, сначала шел типаж. Я держал в голове, кто мне нужен, а потом смотрел пацанов — кто они, что они. Кузя играет преступника Студера. Ему надо было подойти и сказать: «Дайте папироску», а потом отобрать всю пачку. Я его поставил на пробы, где он подошел и вместо фразы «дайте папироску» сказал коротко и с шиком: «Курить!» Все с ним стало сразу понятно. При том что актеры-дети редко сразу понимают импровизацию — им надо дней пять покрутиться на съемочной площадке, чтобы почувствовать свободу. Эти врубаются сразу, они за это и были выбраны». Естественно, все эти пацаны подбирались для съемок долго и тщательно: примерно половина из них прошли школу «Ералаша», еще половина — из театральных школ училищ. Сережа Рыченков, который играет беспризорника Тяпу, — из циркового интерната Юрия Никулина, есть и профессиональные детикаскадеры, Илья Сысоев и Иван Балабушевич.

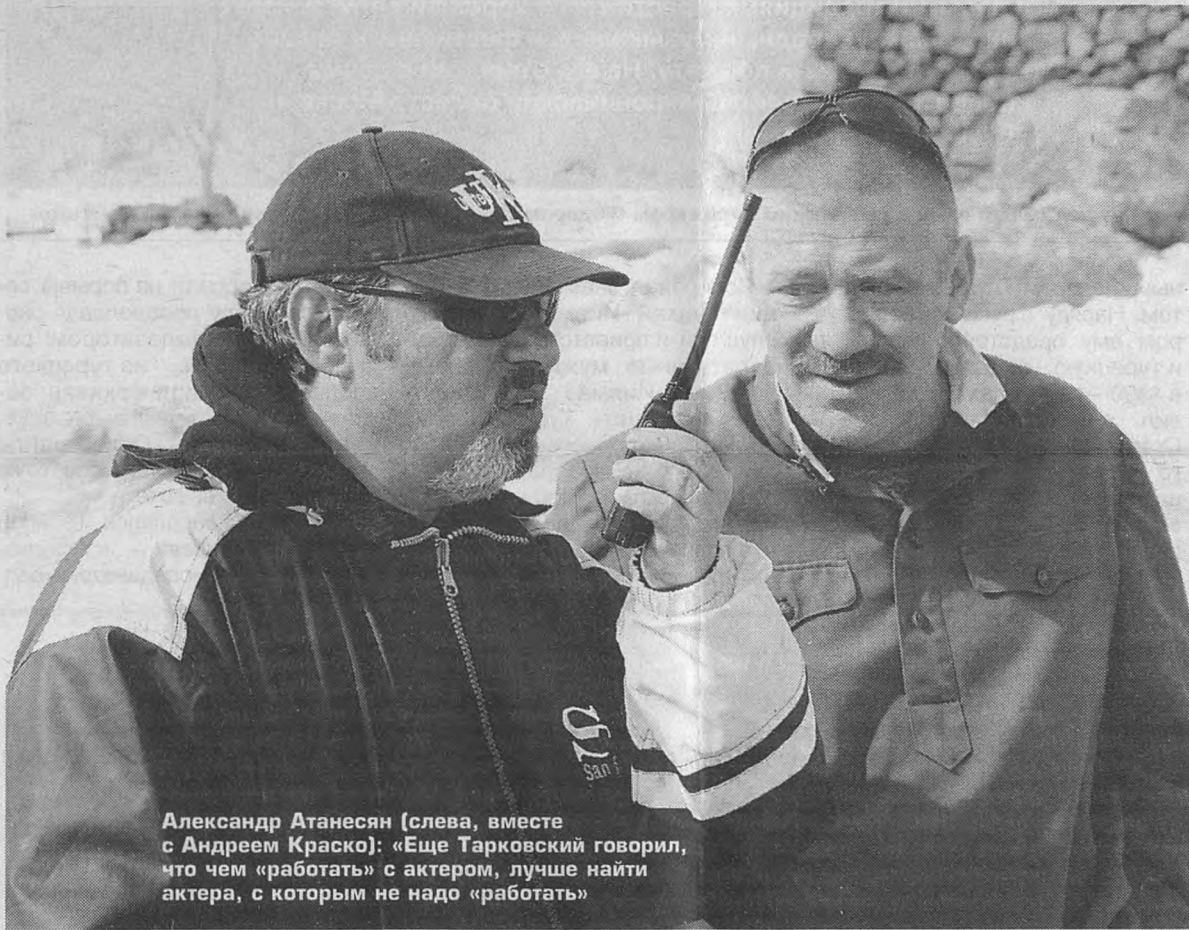
Еще в Москве вся эта разномастная компания ходила в школу к каскадерам (кстати, почти все их учителя играют роли лагерных преподавателей, одновременно подстраховывая молодежь), но, глядя на их модную одежду, трудно поверить, насколько органично может смотреться на них альпинистское снаряжение, шипованные ботинки и ватные штаны. На мое замечание о том, что держатся они вполне по-беспризорному, то есть нагло, получаю разъяснение о том, что это не наглость, а то, что называется детской непосредственностью: «Они свободные люди, у них еще нет масок. Маски появятся, когда они после премьеры выйдут на сцену кланяться. Тогда они подумают, какую маску примерить». Маски масками, но в тот момент, когда я смотрю на этих детишек, за их плечами уже десять дней тяжелых съемок в районе озера Севан, окрестности которого превратились в австрийские Альпы. Там снимали высадку юных диверсантов возле немецкой военной базы «Гефлюгельхоф», взрыв базы и отдельно — эпизод с несчастным случаем на тренировке (Илья Сысоев, играющий юного уголовника Матаню, срывался

с отвесной скальной стены и с высоты двенадцать метров падал спиной вперед на штабель картонных коробок).

«Идите сюда, сволочи!» — внезапно зовет Атанесян. «Сволочи» охотно подходят и по-детски непосредственно обступают нас. «Ответьте на вопрос: вы наглые?» — «Да, очень», — слышится слаженный хор голосов. «А кого боитесь?» — «Балабушевича (постановщик трюков). Он за каждую сигаретку дает соточку (отжиманий). Я подкачался здесь». — «Я тоже». — «А вот этот — сачок, в Москве на тренировке не ходил». — «Зато я здесь знаете как шпарю? Тридцать запросто могу отжаться». — «Покажи». — «Отжаться?» — «Да, сколько можешь». — «Прямо здесь?» — «Хвастался — надо отвечать за свои слова». Паренек некоторое время возится с наушниками от плеера, падает прямо на бетонную плитку и под счет одного из коллег честно отрабатывает пятьдесят отжиманий. Тут появляется помощница режиссера Яна и уводит ораву кормиться, а я продолжаю расспрашивать Александра Атанесяна.

Эти бойцы успели уже и ползать по скалам, и повисеть на стропях бутафорских парашютов

Александр Атанесян (слева, вместе с Андреем Краско): «Еще Тарковский говорил, что чем «работать» с актером, лучше найти актера, с которым не надо «работать»

да и в советском кино прошлых лет практика была такая, что режиссер приходил с готовым сценарием и предлагал его — на Госкино, на киностудию, продюсерам. Сегодня все чаще и чаще продюсер находит сценарий сам и потом приглашает режиссера. Мне нравится этот подход, потому что часто режиссеры (я себя не отделяю от прочих) думают, что если им попался в руки любой интересный материал, они его смогут сделать. Но если анализировать творчество каждого, понятно, что кто-то лучше делает драму, кто-то мелодраму, кто-то экшн, кто-то триллер. Со стороны, как правило, виднее, насколько режиссер соответствует материалу.

В таком случае возникает вполне логичный вопрос о том, почему Атанесян, до сих пор снявший в качестве режиссера только криминальный триллер «24 часа», мелодраму «Летний дождь» и современную телевизионную версию «Ихтиандра», взялся за педагогический боевик времен Великой Отечественной. Ответ прост, хотя и не без парадоксальности: «Сволочи» — это история о братстве двух пацанов, оказавшихся в грязи, в ненависти, в крови. Природа любви и ненависти лежит ведь не в историческом материале. Достоверность работает только в отношении костюмов, техники и прочего. Как говорил Сергей Параджанов, который привел меня в кино, «не обязательно снимать войну, если фильм о войне». Война — это фон в той же степени, в какой вся наша жизнь — фон для человеческих чувств. Что бы я ни делал, всегда для меня главным остается человек — как он поступает в определенных обстоятельствах. Обстоятельства нужны для того, чтобы проявить человека, то, на что он способен».

У съемочной группы фильма «Сволочи» уже почти истекло время, за которое они бы успели выяснить, на что способны актеры — и дети и взрослые — в армянских горах. Ближе к майским праздникам им придется перебраться обратно в Москву — для съемок в павильонах. Завершить же и съемки, и сам фильм должна сцена празднования шестидесятилетия Победы: в этот день, по замыслу создателей фильма, на Васильевском спуске должны встретиться два ветерана, прошедшие когда-то через горный лагерь.

Оказывается, сценарий сам попал к нему в руки, причем совершенно случайно: «Мне позвонил Юра Кушнерев, продюсер этой затеи, и сказал: «Шура, у меня есть один сценарий, который я бы хотел, чтобы ты прочитал». Я говорю: «На какой предмет, я же не редактор?» — «Хочу, чтобы ты срежиссировал». А я узнал, что про войну, и совсем расхохотался — не моя тема. Лежал он у меня несколько недель, а тут заседание гильдии продюсеров, и в ночь перед этим решил пробежать глазами, чтобы хотя бы было о чем сказать. Лег в одиннадцать почтитать, пока не закончил, не смог уснуть. В этом сценарии есть главное, то, что должно быть в любом фильме, — увлекательность. Это вроде бы не детектив, не экшн в чистом виде, не Кафка, не Набоков. Простая история, оторваться от которой невозможно. Я хочу сказать только, что за пятнадцать лет продюсирования мне в руки попадала, может быть, всего пара сценариев такого высокого кинематографического качества.

Мне нравится ситуация, в которой я оказался в этом фильме. Обычно в российском кино,

Александр Атанесян: «Дети, отобранные для съемок, — свободные люди, у них еще нет масок»